Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича (8)

Добрыня Никитич <...> его призвал государь, чтобы выполнить ему заданиё <...> Да, государь

призвал его выполнить ему заданиё: съездить в некоторое государство, побить богатырей

там, богатырей побить. Ну а дал срок на три года <...>, на три года.

Приходит домой к Настасье

Никуличне, что <в>от: государь дал задание съездить, побить богатырей (чтобы эти, эта держава

не шла на это, ну на него). «Вот я на три года уезжаю, Настасья, — говорит, — Никулична, ежели

через три года не буду домой, то воля твоя:

Хоть взамуж пойди, хошь вдовой живи.

За всех — за хошь за-от князя, хошь за боярина,

Хошь за русского могучего богатыря.

Только не ходи за названного за брата,

За Олёшу Поповича!»

(Не ходи, — куда хошь иди!)

Ну, вот, значит, поехал, так и сказал. Ну поехал. Три года не был дома. Она всё ждала. Ну

через три года, значит, может идти взамуж. Ну, значит, царь призвал: «Што тебе вдовой жить?

Мол, лучше выйти взамуж».

А Олёша Попович приехал из чиста поля и сказал, соврал матери, што:

«Добрыня Никитич убит лежит:

Бу́йна голова испрострелена <...>, исп[р]оломана,

Могу́чи плечи испрострелены — убит лежит,

Нет жива́ Добрыни Никитича!»

Значит, он хочет ей взамуж взять. Она думала-подумала. Ну, царь да всё ведь который < ... > —

приказыват, чтобы она вышла за Олёшу за Поповича. Ну, и как-то и тут уж

согласилась. Вот, назавтра идти. Ну, на свадьбу. У царя будет свадьба.

А Добрыня Никитич в то время домой явилсе к своей же<не>; уже не жене, а ну, к Настасье

дочь Никуличне: «Ну, мать *(Апра́ксия была, Апраксией звали)*, а где у меня Настасья дочь Никулична?»

— «Настасья-то дочь Никулична сегодня, — говорит, — взамуж пошла за Олёшу за

Поповича!» Ну, ему ждать-то некогда. Он говорит: «Ну-ко!..» Да, — он говорит, — дак она,

<...> мать-то, ведь не признала: «Он, — говорит, — убит лежит!» — «Нет, — говорит, — мама!»

Это снял сафьян сапог (y его именно́ было!), — тогда она у́знала его: <...> ну, тако именное

место было, что — всё. Тогда она схватила его дальше: «Сын мой, живой! Дак, соврал!» —

30«Ну, — говорит, — дай мне-ка, — говорит, — неси, — говорит, — гусельцы яро́вчаты, я, —

скоморошно платьё; я скоморошиной наряжусь и пойду на пир. Та принесла скоморошно платьё.

Взял и гусельцы яровчаты!» Одел и пошел к царю на пир. <...> Заходит на пир:

Не спрашиват у ворот приворотников,У дверей придворников.

Всех отталкиват: поди прочь! Он ведь хоть бы что — тут не боитсе, а зашел только, поклонилсе:

«Где мое место скоморошное?» Сел на печку. Вот на печку залез скоморошина. Сидит, думат:

«Не Бог-то я и скоморошина!»

Он сел на печку и взял свои яровчатые гусельцы и заиграл. Все заплясали, — такого игрока

не было. А Настасья дочь Никулична говорит: «Только ведь мой муж, Добрыня Никитич, играл

так хорошо!» Ну, его — как хорошего игрока — посадили за стол: «Заходи, — князь Владимир,

— заходи, — говорит, — я тебе три места даю, игроку:

Перво место подле меня,

Хошь — супротив меня,

А третье место — куда сам захошь, куда пожалуешь!»

Он с царем не сел, Добрыня Никитич, и ни с кем, а сел напротив своей Настасьи дочь Никуличны.

Напротив. Ну, тут они, невеста тут — сидят, а напротив своей стал. Ну, подносят, подносят

ему чару зелена́ вина, Добрыне Никитичу. Он взял чару зелена́ вина и спросил: «Разрешите

мне подать эту чару зелена́ вина, кому я знаю, кому пожалую!» Встал он на́ ноги и стал подносить

Настасье дочь Никуличне эту чару зелена вина и говорит:

«Ежли пьешь до дна, то вида́ешь добра, А не пьешь до дна, не увидаешь добра!»

А... вот, а сам, значит: «Пьешь до дна — вида́ешь добра», а сам в это-то время, пораньше-то,

спустил именной перстень в эту чару-ту. Она как до дна-то выпила, имянной-то перстень

подкатился на губы-ти. Она вскочила и закричала зычным голосом:

«Не тот муж, и который рядом со мной, А тот муж, который насупротив меня!»

Вот так. Ну, и всё. Тут бросилась к ему на шею: «Прости, — говорит, — ты меня, виноватую,

что я взамуж пошла!» Он и говорит: «Да, — говорит, — у женщин ум... умволос долог

<...>, да ум короток, — говорит, — ну, я тебя прощаю. Ну, за братана, брата (когда побратались

Добры<ня> и Олёша Попович) не прощаю за то, что соврал-приехал, что я убит лежу!» И тут

схватил его вот через стол и всё: ёму всю хватит — бряк об стол! Царь, а царь — тот сам убежал.

Не показываетсе и боитсе, чтобы ему не попало. (Ну, и всё...)

(Зап. И. Одинцовой, А. Массарани в июле 1975 г.: д. Печище Мезенского р-на — от Суднова Степана Андреевича, 76 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.